

Политика большевизма
в отношении казаков в разгар гражданской войны

С. А. Кислицын

Аннотация. В политической деятельности и творчестве донских революционеров С. И. Сырцова, С. Ф. Васильченко и др. отразилась характерная для большевизма амбивалентность политики в отношении казаков, которая проявлялась, в зависимости от условий и обстоятельств, в сочетании различных форм взаимодействия: от сотрудничества с широкими массами казачества до их террористического расказачивания. Однако системного геноцида по национальному признаку в отношении всего казачества в политике большевизма не было и не могло быть в принципе, так как его основой была идеология пролетарского интернационализма. Гражданская война, носившая бра-тоубийственный характер, привела к трагическому самоуничтожению большей части населения России.

Ключевые слова: гражданская война, большевизм, казачество, расказачивание, С. И. Сырцов, С. Ф. Васильченко.

Abstract. In the activities and work of the don revolutionary S. I. Sirtsaw and S. F. Vasilchenko reflected characteristic figures of Bolshevism, the ambivalence of the policy in respect of the Cossacks, which were manifested depending on the conditions and circumstances in a combination of different forms of interaction: cooperation with the broad masses of the Cossacks and their terrorist decossackization. Systemic genocide on a national basis in relation to the entire Cossacks in the policy of Bolshevism was not and could not be in principle, as its basis was the ideology of proletarian internationalism. The Civil war was of a genocidal, fratricidal nature, as it led to the tragic self-destruction of a large part of the Russian population.

Key words: Civil war, bolshevism, cossacks, storytelling, S. I. Syrtsov, S. F. Vasilchenko.

Политика большевизма в отношении казачества хорошо изучена в современной исторической литературе, однако в обществе до сих пор продолжаются дискуссии, доходящие порой до полной фальсификации этого вопроса. Отдельные авторы абсолютизируют временно-конъюнктурные оценки казачества, данные лидерами большевиков, прежде всего Л. Д. Троцким, и на этой основе возрождают пресловутый, в принципе

Кислицын Сергей Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Ростов-на-Дону. E-mail: Kislizins@Yandex.ru.

Kislitsyn Sergey A. — doctor of historical sciences, professor of the South Russian Institute of Management — the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Rostov-on-Don. E-mail: Kislizins@Yandex.ru.

давно научно опровергнутый миф о геноциде казачества как особой национальной политике коммунистов ¹.

Геноцид — это в широком смысле человеконенавистническое преступление, направленное на истребление общностей людей, а в узком смысле слова — шовинистическая экстремальная форма этнополитики конкретного государства, направленная на решение этнополитического конфликта или длительной межэтнической напряженности с целью обеспечения «жизненного пространства» для титульной нации. Очень важно не дополнять расовую и национальную характеристику жертв геноцида политической, социальной, сословной, религиозной, культурной, половой и т. п. принадлежностью, так как в этих случаях возникает возможность или подмены понятий, или резкого расширения количества «геноцидов» в мировой истории ².

В период гражданской войны большевики, за исключением письма функционера среднего уровня И.И. Рейнгольда, принципиально никогда не ставили вопрос об уничтожении казачества как народа, более того, они периодически стремились заключить с ним союз в интересах победы советской власти в казачьих районах. Известно указание В.И. Ленина «держат твердый курс» на Дону, который он еще до революции характеризовал как возможную Вандею русской революции, и делать там «поблажку в привычных населению архаичных пережитках» ³. В свою очередь Троцкий писал: «... ведя истребительный поход против Донской контрреволюции, мы словом и делом свяжем бедного и среднего казака с Красной армией и рабоче-крестьянской властью, ибо только в этом спасение трудового Дона» ⁴. Поскольку позиции вождей большевизма хорошо изучены в литературе, представляется полезным привести малоизвестные факты из биографий ведущих донских большевиков, прежде всего, председателя Донбюро РКП(б) С.И. Сырцова, возглавившего впоследствии Совнарком РСФСР, и известного донского большевика С.Ф. Васильченко, ставшего оппозиционером и известным пролетарским писателем, автором книги «Карьера подпольщика» и запрещенного романа «Не той стороной».

В начале своей подпольной деятельности в Ростове-на-Дону рабочий-революционер Васильченко неоднократно сталкивался с казаками, осуществлявшими свою карательную функцию (разгон демонстраций рабочих во время стачек, разгром баррикад и проч.). Этот опыт выработал у него определенное негативное восприятие роли казаков как «опричников самодержавия». Тем не менее во время революционных событий на Дону в 1917 г. Васильченко как организатор и редактор газеты «Наше знамя» публиковал статьи, в которых наряду с освещением общеполитических вопросов, призывал трудовое казачество встать на сторону революции. В период Октября он уже агитировал за самую решительную борьбу с контрреволюционным казачьим Новочеркасском и за немедленное прекращение политики компромиссов с ним Военно-революционно-го комитета Объединенной Демократии во главе с Сырцовым.

История взаимоотношений большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов рассмотрена Сырцовым в мемуарной работе 1932 г. «Вандея российской революции». Сырцов, выросший в Ростове и возглавлявший в ходе гражданской войны на Дону различные структуры, вплоть до Ростово-Нахичеванского совета, хорошо знал местные условия. Он вспоминал, что

после Октября началась «большая упорная борьба», и что в этой борьбе казакам-революционерам понадобилась помощь советских войск, Красной гвардии и рабочих. Были колебания и шатания, «но мы чувствовали, что перелом, произошедший в среде трудящихся элементов казачества, начало которого было положено по инициативе казаков-фронтовиков, должен окончательно выбить почву из под ног Войскового правительства и предрешить его гибель» ⁵. На переговорах с казаками он подчеркивал: «... никаких намерений воевать с трудовыми элементами казачества у нас нет, ... единственное, что мы себе ставим это борьба с Войсковым правительством — оплотом реакции не только в Донской области, но и во всей России, борьба с партизанскими белогвардейскими отрядами, сформированными на территории Донской области из офицеров и юнкеров бежавших на Дон». Он указывал на то, «... что в борьбе с войсковым правительством интересы Советской власти и трудовых элементов казачества нисколько не враждебны, а даже наоборот, сходятся, так как это в интересах трудовых казаков-фронтовиков, перенесших тяжести фронтовой, окопной жизни. Они имеют вместе с солдатами возможность более скорой ликвидации того правительства, которое втягивало и продолжает втягивать казачество в авантюру, грозящую ему неисчислимыми жертвами и громадными потерями крови». Эту позицию Сырцова разделял и казак-революционер Ф.Г. Подтелков.

После первого взятия Ростова-на-Дону в декабре 1917 г. казачьими контрреволюционерами и добровольцами Подтелков говорил: «... гражданскую войну я понимаю только как войну одной части трудового народа против другой под влиянием злостной агитации». И действительно, как подчеркнул выживший участник подтелковской экспедиции А.А. Френкель, казаков-подделковцев «предали их же братья казаки». Так были убиты в начале социальной борьбы на Дону «своими же казаками самые храбрые представители молодого казачества в тот самый момент, когда большинство казачества в широкой массе своей поддавшись контрреволюции, отошли на время от рабочей революции и от советской власти» ⁶.

Пролетарские центры области — Ростов-на-Дону, Александровск-Грушевский и Таганрог — пытались сопротивляться активизировавшейся буржуазной и казачьей контрреволюции. В Ростове-на-Дону комендант города Васильченко старался реализовать идеи «трудовой коммуны», издав приказ о привлечении к трудовой повинности зажиточно-го населения. Шахтерские отряды начали теснить белоказачков генерала С.В. Денисова, но включение в процесс боевых столкновений прибывшего на Дон отряда М.Г. Дроздовского и войск германских интервентов обусловило оставление большевиками основных городов. Воспрянувшие белоказачки развернули белый антибольшевистский террор, который принял наиболее жестокие и массовые формы в Александровске-Грушевске, где восставших шахтеров не только расстреливали, но и замуровывали заживо в шахтах и рудниках.

Падение казачье-крестьянской Донской советской республики в начале мая 1918 г. при активном участии казаков предопределило усиление нигилистических подходов у Васильченко, Сырцова и других деятелей по отношению к казачеству в целом. С июня 1918 г. Донская область перешла под практически полный контроль белоказачьего режима атамана

П.Н. Краснова. Силовое изгнание большевиков из Донского края и начало террористического разбольшевичивания региона привело озлобленных местных советских лидеров к категоричному, но достаточно логичному выводу о том, что основная масса казачества настроена против советской власти и не способна к компромиссам, поэтому ее необходимо нейтрализовать любой ценой.

Комиссар по управлению в составе правительства Донреспублики Васильченко в своем отчете во ВЦИК на имя Я.М. Свердлова отмечал, что уже в марте 1918 г. началась организация казачьих сил, а затем развернулись вооруженные выступления, в ходе которых отряды казаков беспощадно расправлялись не только с «бунтовщиками-иностранцами», но и со своими «своевольными казаками». Он указывал, что гражданская война на Дону стала носить «не столько характер непосредственно классово-борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами. Соответственно с этим, не в пример остальной части земледельческой России, борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками, с одной стороны, и с беднотой, с другой, а как борьба между “братьями”-казаками и “хамами” иностранцами. Это обусловило почти поголовное восстание казаков, свирепствовавшими над всеми без исключения крестьянами. Это же заставило крестьян с небывалым упорством отстаивать свои хаты и... держаться за советскую власть. Так распространилось у казаков убеждение в необходимости поголовного истребления иностранцев (“Дон для донцов”). Так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков. Приемы расправы, практиковавшиеся казаками над крестьянами, делали это убеждение не преодолимым. Казаки вырезали в занятых ими местностях женщин и детей, не говоря уже о способных носить оружие. Только в городах и пригородах, да в таких местах где крестьяне составляют преобладающее большинство (Таганрогский округ, Ростовский, Александро-Грушевский) иностранное население не было все перемолото, перестреляно» ⁷. Далее автор приводит пример яростного сопротивления, продолжавшегося в течение полутора месяцев, крестьян Большой Орловки и Мартыновки Сальского округа казачьими отрядами. Васильченко обосновал необходимость использования в противовес белоказачьему террору «истребительных» методов борьбы в отношении активных болоказов. Его оценки подтверждались современными историками К. А. Хмелевским, И. А. Ратьковским, П. А. Голубом ⁸.

В новой брошюре, прямо адресованной казачеству, Васильченко сначала попытался объяснить причины перехода казачества на сторону белых. Он в частности признал, что «красногвардейские отряды проходили другие станицы и, где проходили, там не удерживались оттого, чтобы обижать население... Когда Советская власть узнала, как они бесчинствуют, то первой же своей задачей поставила обезоруживание этих отрядов и предание их главарей суду за мародерство и контрреволюционность. По всей линии железной дороги от Ростова до Царицына эти отряды стали обезоруживаться, а некоторые и расстреливаться. Так были уничтожены отряды Петренко, херсонской анархистки Маруси Никифоровой, грабительская сотня Гурьева, конно-пехотный отряд матроса Жукова и целый ряд других. Но пламенем того пожара, который зажгли в Кривянке, при-

своим себе название красногвардейцев, бандиты, и передававшейся из уст в уста молвой о красногвардейских грабежах воспользовался П.Н. Краснов, чтобы натравить казачество против большевиков и Советской власти». Васильченко указывал, что это им удалось, и казачество стало служить белым и интервентам, став врагом советской власти и забыв «ермаковско-разинские вольности».

Далее он попытался объяснить, почему Краснову это удалось: «Слетевшаяся на Дон саранча клеветов буржуазии и холопы помещичье-царского порядка завопили... о том, что большевики хотят уничтожить казачество, о том, что Советская власть хочет отдать на разграбление Дон. Это была первая гнусная ложь на большевиков, на Советскую власть, не хуже той, которую сочинила провокаторская буржуазия, когда она обвинила большевиков, будто они подкуплены немцами. Но казакам, которые еще не забыли обид, причиненных им самочинными отрядами банд, легко было этой офицерско-атаманской лжи поверить и они ей поверили... Но Краснову и капиталистам мало показалось одной лжи на большевиков, они стали распространять и другую будто большевики у казаков хотят отобрать землю. Они при этом не говорили, что большевики предлагают трудовым казакам отобрать землю самим у таких коннозаводчиков, как Денисов с двенадцатью тысячами десятин земли, или как миллионер Супрунов, у которого возле Великокняжеской богатейшая экономия, а в Ростове мельницы и дома, или как Фетисов и Греков, у которых в разных местах целые владения... И третью ложь распространила при Краснове хищная буржуазия — будто большевики искореняют православную веру и не дают верующим... по-старому молиться... белая гвардия клеветает, будто большевики хотят уничтожить казачью вольность и истребить казаков». В доказательство Васильченко привел выдержки из декретов советской власти о земле, о создании советов казачьих депутатов и т.п. Очень характерен заключительный призыв автора: «... гей, подымайся, казачество степное, верховое и понизовое, заряжай винтовки, бери пику в руки. Встречай большевиков, равняй ряды с ними и поворачивай строй против атаманов, продавшихся богатеям! На коня, казаки, за Советскую власть, казачью и рабоче-крестьянскую!».

Однако 24 января 1919 г. была принята известная директива Оргбюро ЦК РКП(б), в которой наряду с обычными для гражданской войны лозунгами и призывами использовался термин «поголовное уничтожение контрреволюционного казачества» подразумевавший ликвидацию вооруженных антибольшевиков-казаков, а не гражданского мирного населения. В отношении последнего указывалось на необходимость выселения из мест обитания тех, кто поддерживал казаков-контрреволюционеров. Вся беда была в том, что граница между всеми группами казаков была условной и зыбкой, что приводило к неконтролируемому применению террористических методов подавления в ряде случаев ко всему казачеству. Хотя в марте 1919 г. резолюция была отменена, на местах особо ретивые большевики продолжали политику «красного террора», вызывая аналогичные ответные действия, в частности — знаменитое восстание казаков на Верхнем Дону, продлившее гражданскую войну минимум на полгода, Френкель призывал большевиков продолжать классовую, а не «аморфную зоологическую борьбу»

События на Верхнем Дону вызвали также бунт в сформировавшемся казачьем корпусе под командованием донского казака Ф.К. Миронова, примкнувшего к большевикам. В своей речи во время трибунала над ним начальник Политуправления РККА И.Т. Смилга указал, что «зверства на Дону» совершались «в обстановке гражданской войны, когда страсти накапливаются до предела». Отметив, что их главные виновники расстреляны, он, однако, высказал типично большевистское мнение, что подобные ужасные поступки «оправданы историей», так как их совершил прогрессивный класс, сметавший «на своем пути пережитки феодализма и народного невежества». В своей заключительной речи на заседании трибунала Миронов раскаялся и признал политику большевизма. Более того, в своих письмах Ленину и ряде воззваний к казакам он предложил собственную концепцию казачье-крестьянского социализма, в которой попытался соединить его базовый марксистский концепт с требованиями крестьянства, с «революционным казачеством» и «любовью» к казачеству, с борьбой с расказачиванием и идеалами христианства, так как, по его мнению, казаки были в душе настоящими социалистами. Несмотря на расстрельный приговор трибунала, Троцкий, по рекомендации Смилги, назначил Миронова командующим 2-й Конной армии.

Понимание позиции Миронова в вопросе расказачивания прослеживалось в деятельности отдела ВЦИК, казаков-большевиков М.Ф. Болдырева, К.Ф. Булаткина, В.С. Ковалёва, Е.Е. Ефремова, братьев В.А. и Е.А. Трифоновых, Д.В. и Я.В. Полуянов, Н.Д. и И.Д. Кашиных. Более радикально настроенные члены Донбюро ЦК РКП(б) Сырцов, П.Г. Блохин, Френкель, И.А. Дорошев, С.Л. Лукашин, И.В. Решетков, Е.И. Щаденко и др. требовали жесткости в отношении контрреволюционеров-казачков, но не стремились к огульному террору. По их приказам были ликвидированы члены ревкомов, допустившие бессудные расправы. Член ревкома донского корпуса В.Ф. Ларин писал: «... сейчас Сырцов, Дорошев отплевываются (на них льется вся эта грязь — все бессмысленные расстрелы и т.д.). Ясно одно, что они являются тем элементом, который смотрит на Донщину не с точки зрения казачьей колокольни, а с точки зрения интересов российского пролетариата» 9.

Сырцов, как руководитель Донбюро ЦК РКП(б), член РВС и начальник Гражданского управления Южного фронта, от имени рабочего класса, коренного и иногороднего крестьянства вел решительную борьбу с контрреволюционным казачеством, сражавшимся с советской властью. Особой страницей в этой борьбе стало вешенское восстание казачества, вызванное январской 1919 г. директивой Оргбюро. В этой взаимной бескомпромиссной борьбе было много переменных, вносимых извне пропагандистских, мятежных, уголовно-бандитских, провокационных, мародерских факторов, вплоть до элементарной мести, которые резко осложняли ситуацию и приводили к значительным жертвам. Часть большевиков за бессудные расстрелы была отдана по суд трибуналов, но и белоказаки без всяких циркуляров осуществляли массовый террор, жертвами которого стало свыше 40 тыс. человек. Более того, казачество оказалось ударной кавалеристской силой Белого движения. В то же время около 20% полков донских казаков воевало в красных кавалерийских соединениях (подсчеты А.В. Венкова), причем этот процент в ходе гражданской

войны постепенно возрастал. Это не только знаменитые 1-я и 2-я Конные армии под командованием С.М. Будённого и Ф.К. Миронова, но и «Первая червонная казачья дивизия под командованием В.М. Примакова, фор-мирования Б.М. Думенко и др.

После разгрома армии Деникина Васильченко и Сырцов в начале 1920 г. вновь приехали в Ростов-на-Дону, где стали руководителями парткомов и советов города и всей Донской области. Сырцов в соответствии с «Тезисами о работе на Дону» отказался от концепта раскалывания в отличие от Васильченко, который заявлял, что казачье население Дона все еще враждебно советской власти и поэтому диктатуру надо осуществлять «огнем и мечом», путем опоры на красноармейские части, ком-мунистические ревкомы и чрезвычайки. После длительных дискуссий и острых внутрипартийных столкновений Донком 28 мая 1920 г. принял решение добиваться от ЦК отстранения от руководства Васильченко, а за-одно и его постоянного антагониста Сырцова ¹⁰.

Сырцов стал заведующим отделом ЦК РКП(б) и принял активное участие в обновлении казачьей политики партии и государства (этот эпизод по политизированным причинам обходится в целом ряде исследований истории казачества). По его докладу Пленум ЦК РКП(б) в апреле 1925 г. рассмотрел вопрос о полном отказе от насильственных мер в казачьих областях и изживании розни между казаками и крестьянами. Сырцов четко повторял большевистские оценки казачьего вопроса. Он подчеркивал, что казачество в прошлом обладало немалыми привилегиями по сравнению с иногородним и крестьянским населением, что привело к известному совпадению интересов части зажиточного казачества с позициями господствующих классов царской России. Именно это обусловило то, что гражданская война в казачьих районах протекала с необычайной остротой и с большой жестокостью с обеих сторон. Крестьянское и иногороднее население встало дружно на защиту советской власти и «жестоко мстило» казачеству. Лишь незначительная часть казаков из малозажиточных элементов, главным образом из молодежи, бывшей на войне, стала более или менее на сторону советской власти и поддержала политику примирения с иногородним и крестьянским населением.

На новом этапе «огульное отрицательное отношение к казачеству, как к сплошной контрреволюционной массе, продолжение деления на “казак” и “не казак”, деление по линии сословных признаков, а не классовых» могло привести, по мнению Сырцова, к ослаблению классовой дифференциации казачества, снижению темпов его советизации и укреплению его как «самобытной социальной сословной группы». В принятом постановлении ЦК говорилось о восстановлении в избирательных правах реэмигрантов, станичных и хуторских атаманов, о привлечении в аппараты местных советов казачьей интеллигенции, о широком вовлечении казачества во все общественные организации — комсомол, кооперацию, ККОВы, о создании в местах с компактным казачьим населением отдельных административных единиц. Это решение и его позитивная оценка трудовым казачеством являются безусловным доказательством отсутствия в недавнем прошлом политики геноцида по отношению к казачеству.

Латентное рассказывание продолжалось, но в совершенно других формах, связанных с переустройством села, коллективизацией и раскулачиванием. Новое поколение донского, уже советского, казачества ге-роически проявило себя в Великой Отечественной войне в составе 5-го Донского казачьего корпуса и других красноармейских казачьих частей.

Большинство участников дискуссий о казачестве со всех сторон было репрессировано в ходе кадрового террора 1936—1938 гг., который известный историк Р. Медведев назвал «своеобразным политическим ге-ноцидом», хотя и в этом случае некорректность термина очевидна. Ва-сильченко подписал оппозиционную троцкистскую «платформу 4б», оказался вне партийных структур и в 1936 г. был расстрелян за организа-цию «троцкистской группы» в Обществе политкаторжан и ссыльнопере-селенцев. Сырцов в 1930 г. за критику партийного курса и организацию группы инакомыслящих большевиков, обозначенной как «фракционный право-левацкий блок Сырцова-Ломиндазе» был исключен из партийного руководства, а в 1937 г. расстрелян по обвинению в создании на этот раз «параллельного право-троцкистского блока».

Таким образом, конкретная деятельность донских руководителей Сырцова, Васильченко и др. во время гражданской войны демонстрирует характерную для большевизма амбивалентность политики в отношении казачества, которая варьировалась от сотрудничества с массами казаче-ства до рассказывания отдельных групп. Никакого системного и теоретически обоснованного геноцида по национальному признаку в отноше-нии всего казачества в официальной политике большевизма не было и не могло быть, так как его основой была идеология пролетарского интерна-ционализма. Если говорить о геноциде, то практически вся гражданская война носила геноцидальный характер, что привело к трагическому са-моуничтожению большей части населения России с двух противостоя-щих сторон.

Примечания

1. ЛЫСЕНКО Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР. 1918—1933. Опыт этнопо-литического исследования. Ростов-на-Дону. 2018.
2. АКОПЯН С.Ю. Геноцид армян в период первой мировой войны и его современные этно-политические и международно-правовые последствия. — Южно-Российское обозрение. 2006, № 38.
3. ЛЕНИН В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 50. М. 1970, с. 387.
4. Филипп Миронов. Документы. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М. 1997, с. 391.
5. СЫРЦОВ С.И. Вандея Российской революции. Революция и контрреволюция на Дону. ГКУ РО ЦХДНИ, ф. 12, оп. 2, д. 148. См. также: БОРИСЕНКО И.П. Советские республи-ки на Северном Кавказе в 1919 г. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1930.
6. ФРЕНКЕЛЬ А. Орлы революции. Ростов-на-Дону. 1920, с. 33.
7. Пролетарская революция на Дону. Ростов-на-Дону. 1922, с. 95.
8. ХМЕЛЕВСКИЙ К.А., ХМЕЛЕВСКИЙ С.К. Буря над Тихим Доном. Ростов-на-Дону. 1984; ГОЛУБ П.А. Правда и ложь о «рассказывании» казаков. (Очерки). М. 2009; РАТЬ-КОВСКИЙ И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. (1917—1920). М. 2017.
9. Филипп Миронов. Документы, с. 276.
10. ГКУ РО ЦХДНИ, ф. 12, оп. 25, д. 41, л. 1, 2, 3

ж Вопросы истории. №6 2019 г.